

ПАМЯТЬ О ЛЕГЕНДАХ

Герои сказок и мифов

Духовную жизнь наших предков из IX или XII столетий вообразить несравнимо сложнее, чем их жизнь событийную. При всей неполноте сведений о смешении и связях племен, образовавших белорусский народ, об «административном» делении древней Белоруссии, о внешних и внутренних войнах, которые она вела, о ремеслах, отношениях князя с дружиной и с горожанами, о строительстве городов, о торговых путях, о денежной системе и тому подобное — возможно все-таки составить если не во всем

ясную, то достаточно понятную картину прошлой жизни. О духовной же стороне бытия наших пращуров, о их мировосприятии и мирознании известно урывками, так что воссоздать это удастся в весьма неблизком приближении. Система мышления наших предков остается для нас за семью печатями не столько в силу малости сведений, сколько в силу исторической недоступности проникнуться той давней системой ценностей, зажить тем сломанным, канувшим в лету ощущением мира и бытия в нем.

Для далекого нашего предка молния достоверно означала, что гневается Перун; набухли сережки на вербе — богиня весны и плодородия взялась за дело; человек потерялся в лесу — леший его заблудил и т. д. Вообще, чего ни касались взгляд, чувство, мысль, все каким-то образом объяснялось, символы имели реальное содержание. Камни под сохой посеял черт, в доме хозяйничал домовый, звезды означали души людские. Вокруг человека действовали силы, с которыми можно было жить в согласии, но которым следовало внимать, ради их милости соблюдать множество табу, с обязательностью производить обрядовые действия, чтобы драгоценное согласие с внешним миром не разрушалось.

Наш разговор пойдет о мировосприятии дохристианской поры, так называемого язычества на белорусских землях. Языческие представления нашего региона некоторыми частностями отличались от общеславянских. Язычество восточных славян отражало все то общее, что было присуще многочисленным племенам, составившим впоследствии Древнюю Русь,— полянам, древлянам, дреговичам, кривичам, полочанам, словенам, радимичам, вятичам, северянам, дулебам и т. д. Но одновременно в восточнославянском язычестве отразились и закрепились различия племенных воззрений. Разные

этнические контакты, в которых участвовали названные племена, невольно приводили и к разнице в почитании божеств, в обрядности, в белой и черной магии. Поэтому возможно говорить отдельно о язычестве на белорусских землях, язычестве древних белорусов.

С утверждением христианства умственное, духовное, религиозное состояние общества претерпело существенные перемены. Их нельзя назвать коренными, кардинальными, но исторической вехой в развитии нашей культуры они все же стали. Христианство было враждебно язычеству (равно как и язычество христианству), как вообще враждебны религиозные системы, когда одни боги и мифы должны уступить место другим. Что-то при этом общество обретает, кое-какие ценности утрачивает.

В отличие от Римской империи, где христианство развивалось и побеждало изнутри, на Древнюю Русь оно пришло в готовом виде, с отточенными за девять столетий своего существования формулами, со Старым и Новым Заветом, с литературой отцов церкви, с культурами Христа, Богородицы, святых, наконец, с чужим языком, с чужим, хоть и не в той мере, как был чужд, например, латинский язык католической церкви чехам или полякам, однако и не близким, поскольку старославянский язык православной церкви, принесенный ее первыми миссионерами на Русь, для народа уже был языком забытым. При всей сложности становления раннего христианства в Римской империи оно все-таки развивалось в направлении от масс к верхам, правительству, элите; в славянском обществе христианство насаждалось сверху — от элиты к народу, и эта противоположность религиозных чаяний оказалась существенной.

Христианство Восточной Римской империи (равно и Западной) до своего утверждения в роли государственной религии вело долгую борьбу с язычеством, победило его и закрепило свою нелегкую победу среди прочего в том, что занесло всех языческих богов в бесовские списки. Языческое для христианства было синонимом варварского, невежественного, милого бесам, поощряемого Сатаной. По этой причине, как только в 988 году киевский князь Владимир принял от Византии «греческую веру»,

немедленно православные миссионеры, соединенные с воинскими отрядами, повели крестовое наступление на язычество во всех древнерусских землях. Вослед Киеву насильственно было подвергнуто крещению население двух других важных центров — Полоцка и Новгорода. А через какой-то срок — вовсе немалый — «вера греческая» стала «верой русской», своей, как бы прирожденной, извечной. Но что значит — стала? Ведь не сама собой, не волшебством, не чудом, а при помощи кнута и пряника. Такая ломка сознания, которая требует отказа от верований отцов и дедов, то есть от их духовных ценностей, и не просто отказа, а сокрушения их, сама по себе происходить не может. Замена прежних мифов новыми сопровождалась уничтожением думающих носителей старого знания и традиций, уничтожением рядовых защитников прежних верований, готовых отстаивать свои убеждения оружием. Это уничтожение приняло форму государственной политики, было одной из

полицейских функций великокняжеской власти. Запрещалась старая и вводилась новая обрядность; подлежали забвению имена старых божеств; места языческих молений разрушались и т. д. И это делалось не однажды, а на протяжении столетий. Столь долго — потому что быстро «обработать умы» не могли. Но все же обработали.

Здесь и кроется основная причина того, что белорусское язычество трудно поддается реконструкции, а языческие представления русских, украинцев, поляков, чехов сохранились в еще меньшей мере. К тому времени, когда составилась научный интерес к пантеону языческих богов, из их множества наиболее, ярко остался в народной памяти, пожалуй, один Перун. Имена и функции прочих были почти забыты, и главными источниками знания о них явились летописные сообщения, обрядовая поэзия, сказки и некоторые легенды. Наиболее полно языческие предания, обрядность, суеверия сохранились в той среде и сфере, контролировать которую христианству было сложно: такой средой была крестьянская семья, а сферой — крестьянский образ жизни. Крестьянство, как наиболее удаленная от церкви, замкнутая в цикле сельскохозяйственных работ часть населения, сохранило многое из системы языческого мировоззрения.

И в язычестве и в христианстве миром управляет высшая сила, она находится где-то на небе. Помимо нее существует множество сил меньшего ранга, ведающих огнем, молнией, дождем, урожаем и т. д.

И в язычестве и в христианстве есть духи добра и духи зла. Помимо реального мира есть мир потусторонний, где живут души. Силы добра и зла можно расположить к себе путем просьб, заклинаний, молитв, особенно же путем жертв, приглашения на трапезу. Считалось, что и в язычестве и в христианстве божество умирает и возрождается.

Так угодно было судьбе, чтобы принятие христианства в 988 году осуществил князь, который немногим прежде прославил себя попыткой возродить мощь язычества, сделать его государственной религией, иерархически обновить, поставив верховным божеством Перуна. Князь этот был Владимир Святославович, названный церковью в следующих поколениях Святым. В 980 или 983 году по приказу Владимира неподалеку от княжеского двора в Киеве поставили на капище идолов общеславянских языческих богов. Лаврентьевская летопись перечисляет их в таком порядке: Перун, Хоре, Дажьбог, Стрибог, Симарьгл, Мокошь. В Густинской летописи список древних кумиров шире, к названным причисляются еще Лада, Купала, Коляда, Переплут.

Исследование других документов старины, различных поучений церкви против языческих пережитков, поверий и обрядов позволило выявить и другие божества.

В целом языческая система богов выглядит так. Высшее божество: Див (Дий), Род, Сварог, Стрибог, Святovit. Этот ряд имен означает развитие образа бога от общего всем

индоевропейским народам истока к разнице славянских племенных представлений о нем. Затем следуют божества, порожденные старшим божеством: Дажьбог, Коляда, Ярила, Сура, Белес — это все Солнце, под разными названиями; Перун — бог грома и молнии; Купала — бог изобилия и урожая; Верба — богиня весны, пробуждения природы; Тур — божество диких зверей (по имени самого сильного из них); Лада — богиня любви; Тетя (у белорусов) — богиня осеннего урожая; Рожаницы — женское начало жизни; Жыжель — бог огня; Переплут — бог веселья. Возможно, что был бог войны Кава (от глагола «бить» — по-белорусски каваць, отсюда: каваль — кузнец).

В приближении к реальной жизни человека действовали еще духи добра и зла: Жыцень — житный дух; Овсень — дух овец (но считают также, что так назывался колядный козел), а еще домовые, лешие, водяные, русалки, упыри и прочие, о которых будет сказано ниже. Затем шли божества смерти и загробного существования: Баба-Яга — богиня смерти; Знич — у белорусов бог погребального огня; Велемос (Белес), — возможно, выполнял функцию бога загробного мира. Вероятно, что загробное божество называлось прежде Пекло; слово затем обрело многозначность; трактовка пекла как места для грешников, как ада — явно христианская накладка на языческую основу. Души представлялись маленькими копиями людей и назывались дзядами или людками.

Главным божеством восточных славян во времена крещения считался Перун — бог грома и молнии, бог войны. По белорусским представлениям он выглядел седовласым богатырем, у которого в одной руке лук (радуга), в другой стрелы (молнии). Перун властвует над землей, здесь все подвластно его неограниченной силе; тот, кого он намечает карать, не может укрыться от него, поражает же он мгновенно и страшно. Да и как было не бояться той мощи, которая раскалывала чрево грозового неба, раздирала его плоть огненным разрывом, а грохот разрушения разносился над землей на много верст. Перуна страшились и старались его убажить, подольститься к нему, оградиться от его смертоносного действия. Для этого был выработан специальный символ — громовой знак — круг с обозначением шести радиусов. В Белоруссии его ставили на дверных причелинах для предохранения хаты от удара молнии. Перуну посвящались кровавые жертвоприношения. Жертвенным животным служил бык, который символизировал материальную мощь.

В основе такого отношения к быку лежало халдейское сказание о сотворении жира из крови быка. Кровь сопричастного небесным божествам быка обладала, по древним поверьям, очистительной силой, ею обмывались (крестились). В Риме существовал обряд, называвшийся тавроболии — кровавая баня, когда человек становился под помост, на котором совершалось заклание быка, и орошался с головы до пят жертвенной кровью. Именно на этом месте была возведена впоследствии Ватиканская базилика.

Владея убийственными стрелами, Перун воевал с другими богами; в частности, по белорусскому поверью, он стремился уничтожить Жижеля —

подземного бога огня, который высушивает землю, поджигает леса и болота. Перун был страшным богом огромной власти. Но время его действия было ограничено — с первых до последних гроз (с мая до середины августа), а затем он засыпал до следующей весны. Перун имел свой праздник, который отмечался 20 июля. (Позже на этот языческий праздник христианство наложило свое празднество — Ильи-пророка, на которого и перешли многие черты языческого предшественника). Обращение к Перуну связано было с тем, что в конце июля начиналась жатва — нужны были погожие дни; грозы, ливни губили урожай, и зависевшим от погоды крестьянам хотелось умиловить властелина, отчего возникла и соответствующая обрядность с жертвоприношением.

Перун — не хлебный бог; хлеб, стада — не его забота; он грозный, карающий бог

огня и меча. В языческом Олимпе, возведенном Владимиром, Перун, безусловно, главенствовал, поскольку он единственный был украшен золотом и серебром (серебряная голова, золотые усы). Владимир выделил Перуна, так как Перун был княжеским богом — покровителем княжеской дружины, военных успехов. До Владимира Перун значением главного божества не обладал, он был богом второй степени. Ему даже не ставили идолов; изваяния Перуна, его культ — дело князя Владимира и его дяди Добрыни, который привел к поклонению Перуну города Новгород и Владимир. Все известные идолы, и в том числе знаменитый Збручский идол, — посвящены богу Роду. Выдвижение Перуна на вершину Олимпа было вызвано политикой Киева, направленной на территориальное расширение Киевской Руси, на подчинение соседних племен. В кровавой борьбе были присоединены дреговичи и полочане; о том же говорят войны между Новгородом и Киевом, походы киевских князей на ятвягов и литву.

Но Перун и иже с ним «идолы окаянные», как называли их христианские писатели, покрасовались на новом капище недолго.

За десять лет до крещения князь Владимир воевал с Новгородом и победил его, а затем разгромил Полоцк. С этим разгромом связано предание о Рогнеде и отце ее — полоцком князе Рогволоде. В 980 году Владимир посватался к Рогнеде, чтобы через брак закрепить отношения Киева с Полоцком, но Рогнеда отказала ему. Тогда Владимир, собрав большое войско, напал на Полоцк, убил Рогволода и его сыновей, а Рогнеду взял в жены силой. Помимо Рогнеды у него, по существовавшему тогда обычаю многоженства, были еще жены — вдова его брата Ярополка, некая скандинавка, и царевна Анна — двоюродная сестра византийских императоров Василия и Константина. Кроме жен князь держал наложниц, число которых летописец определяет в восемь сотен. И вот человек с такою силой плотского начала принимает крещение, христианскую мораль и отказывается от своей языческой реформы, от богов, которых хотел утвердить повсеместно, начинает, говоря современным языком, новую жизнь. Дело удивительное.

Чем так сильно пленило христианстве пылкую языческую душу князя Владимира, понять непросто, но для нас любопытно то, что между реформой и крещением прошло не более пяти-восьми лет. Приняв крещение, Владимир стал крестить киевский народ и первым делом уничтожил самим же недавно установленных кумиров. Дажьбога, Стрибога, Симарьгла, Мокошу повергли, посекали топорами и сожгли, а Перуна привязали к лошади и волоком потянули к Днепру. Для полноты унижения богов обок шли двенадцать человек (по числу апостолов) и колотили вчерашних идолов дубинами. И ничего не случилось. Гром не грянул, молнии « Киев не ударили, князь Владимир вопреки ожиданиям волхвов остался жив и здравствовал многие лета. Однако чтобы народ безмолвствовал, князь перед крещением города объявил: кто не придет к Днепру — враг ему, Владимиру. Враждовать с князем посмели немногие, а непосмевающие пришли утром на днепровский берег и по знаку прибывшего с Владимиром митрополита Михаила и под угрозой плетей княжеской дружины вошли в воду по шею. Вышли из воды, получили крестик — и стали христианами.

В Киеве крестить народ было не очень сложно. Киев давно находился в тесных связях с Константинополем, и христианство с его храмами и церемониями для многих киевлян диковинкой не представлялось. Тут уже был опыт христианства: крещение от греков принимала бабка Владимира — легендарная Ольга; при ней же появилась в Киеве первая церковь.

После свержения Перуна с киевского капища предстояло победить язычество в других землях. И по водному пути отправились из Киева с миссией христианизации греческие и болгарские священники, а при них дядя князя Владимира — Добрыня с

войском. Маршрут их лежал через Полоцкое княжество к Новгороду, в первом на их пути был город Туров, где миссионерам оказали отчаянное сопротивление. О кровавом крещении туровлян свидетельствует легенда о красных камнях, которые приплыли якобы по реке в город, в чем несомненно слышится память о резне, обрушенной на местных язычников Добрыней.

К северу от Киева, на белорусских и новгородских землях, язычество держалось тверже, и потребовались столетия, чтобы новая вера укрепились здесь хотя бы внешне. Военная победа христианства создала прецедент физического уничтожения носителей предыдущей, нежелаемой уже культуры, повторение которого постепенно стало восприниматься как единственно верное дело для духовных перемен, как дело необходимое, мудрое и самое надежное по своим результатам. К сожалению, утрата Полоцкой и других белорусских летописей лишила нас сведений о конкретных проявлениях языческого отпора наступавшему христианству, но есть косвенные свидетельства, есть аналогии с соседними землями. Ростовские епископы Федор и Илларион под угрозой язычников были вынуждены бежать, епископ Леонтий был убит ими. Волхвы ходили смело, как в старину, и будоражили народ к сопротивлению. Методы борьбы христианств а с яз ычеств ом наг лядно предстают в столкнов ении

новгородского князя Глеба Святославовича с волхвом, который пришел в город и стал ругать новую веру. Народ, охотно веривший волхву, побуди лея убить епископа и священников. Глеб и его дружина стали на защиту пастырей, новгородцы примкнули к волхву — вызревал бой. Тогда Глеб спрятал под ферязь топор, подошел к волхву и спросил: «Знаешь ли, что будет завтра утром или вечером?» «Все знаю!» — был гордый ответ. «А знаешь ли,— спросил князь,— что будет нынче?» «Нынче,— простодушно ответил волхв,— я сделаю большие чудеса». Однако он ошибся, ибо князь Глеб достал топор и зарубил волхва.

Волхвов не только рубили, но и драли медведями, жгли на кострах. Так, в Новгороде в 1227 году, то есть почти через двести пятьдесят лет по крещении Руси, сожгли за раз четырех волхвов. Можно полагать, что не лучше обстояли дела в Полоцке и в других белорусских городах. Отвергнутое старое подлежало полному разрушению; следы его пытались затереть, замести, память о нем выветрить и развеять. Идолы свергали, рубили, жгли, на месте капищ и требищ строили церкви, но изменить сознание, мышление не удавалось, хотя применялись все меры принуждения и физического насилия. О связанном с христианизацией насилии лучше всего говорит сложившаяся в народе примета, что встреча с попом, монахом грозит бедой. Поп, черноризец воспринимались не просто как религиозные чужаки, но как враги, появление которых влечет бедствия и с которыми, чтобы избежать несчастья (штрафа, порки, избиения, разграбления двора), лучше не связываться. Выработалась раздвоенность поведения: крестились, ходили в церковь, но думали о своих родных, старых богах. Показательно, что память о Перуне, имя его и страх перед ним сохранялись до недавнего времени. Другим божествам повезло меньше, поскольку они олицетворяли иные силы, не столь яркого и грозного проявления, как молния и гром.

Верховным божеством славян был Род (а еще прежде — Дий, Див) — бог неба, прародитель всего — и мира, и богов, и людей. Главенствующее его значение просматривается и в славянской лексике: родники, природа, народ, родить, урожай, уродиться, урод, порода, родина, родной, родство, рожданица (судьба).

В том же значении, что и Род, выступал Сварог. Его производными (детьми — Сварожичами) были солнце и огонь. Бог солнца — Дажьбог — выступал и под другими названиями, в которых отразились или его территориальное, племенное происхождение

(например, явно степное, скифское — конный бог Хоре), или особенности культового понимания (например, Ярила — бог плодородия). На Ярилину ночь припадали оргиастические ритуалы (как обличали христианские авторы: «отрокам осквернение, девам растление»). О солярном смысле Ярилы говорит то, что выведено это имя из праязыкового обозначения года — полного оборота солнца. Ярила представлялся молодцом в белой одежде на белом коне; в одной его руке человеческий череп, в другой — пук колосьев. Ярила на своем коне

ездит по нивам, растит рожь; он бог плодородия, оплодотворяет землю, от него ярится земля, он дает жизнь хлебу, урожаю. Еще одна из его забот — приносить новорожденных. Но Ярила — и бог чувственности, бог жара плоти, он разжигает похоть, плотскую страсть. У белорусов в это празднество самую красивую девушку одевали Ярилою, садили на коня, вокруг нее плясали и пели, ее водили по деревне.

Божеством солнца у славян, у белорусов в частности, выступала также Коляда. Праздник этот, называемый иначе Божик, Божич, припадал на зимний солнцеворот. Трудно сказать, какое название более позднее — Коляда или Божич.

Первым славянским словом, обозначавшим бога, было Див, Дий, восходившее к индоевропейской языковой общности. Около I тысячелетия до новой эры вошло в славянский язык из иранского — бог. Слово господь было заимствовано у готов уже в новую эру — в III—IV столетии. Белорусская обрядность, связанная с колядами, сохранялась до самого последнего времени. К месту сказать, зимнее празднование возрождения солнца отмечали все европейские народы. Вообще все солярные празднования одинаковы и по времени и по существу обрядности по всей Европе.

В Белоруссии еще в прошлом веке сохранялись магические обряды, призванные обеспечить урожай следующего года, именно в колядную пору. На Коляды по дворам ходили колядовщики — ряженые, водили с собой «козла» или «козу» — парня в козлиной личине, а также «бусла» или «медведя». Одевались ряженые и в волчьи шкуры, что обозначало волкодлаков — оборотней. Образ волкодлака очень древний, он сложился, верно, в палеолит — 30—35 тысяч лет назад. Волкодлак присутствует в народных поверьях и сказках. Стать оборотнем нетрудно: достаточно было воткнуть в пень лезвием вверх нож и перекувыркнуться через него. Обратный кувырок возвращал волкодлаку человеческий облик. Хождение волкодлака с дружиной колядовщиков едва ли было ритуальным, роль его была проста — попугать зрителей.

Колядование имело разработанную церемонию, и не зря, верно, считают, что колядование есть иная форма слова колдование. Колядовщиками встарь были волхвы и чародеи; это подтверждается и присутствием в обряде «козла». Согласно обряду козел, коза умирали и воскресали, что в языческом понимании соответствовало смерти божества и его возрождению (смерти божества солнца и его возрождению, вообще обновлению живородной силы). Козел, Коза в этом ритуале выступали духом урожая, духом ржи, воскресение его обещало урожай в новом солнечном году. В белорусских колядках так и поется:

Дзе казёл ходзіць, Там жыта родзіць. Дзе казёл хвастом. Там жыта кустом.
Дзе казёл нагою. Там жыта капою. Дзе казёл рагамі, Там жыта стагамі.

Или про козу: Дзе каза рогам, Там жыта стогам. Дзе каза не ходзіць. Там жыта не родзіць. Козел присутствует и в обрядности дожинок, когда из последних колосьев

«завивали бороду» духу жыта — Жытению — козлообразному существу: несколько колосьев перевязывали красной лентой, рядом клали хлеб-соль, водили хороводы, пели жнивные песни.

Призывание добрых духов составляло суть большинства языческих празднеств; особенное значение между ними занимал великдень — весенний праздник, посвященный солнцу, возрождению природы после умирания — зимнего сна. Христианство перекрыло это языческое празднество пасхой, но в Белоруссии в отличие от других славянских народов сохранились его древние обряды, называемые волочечными, иначе — волшебными. Волочечники (волшебники) одевались «под богов», ходили по дворам, исполняя праздничные, то есть ритуальные, песни. Дары, которыми хозяева отплачивали в старину волочечной дружине, в пору реального восприятия праздничных гимнов были, верно, жертвою, которую вручали волочечникам — волхвам, чародеям, осуществлявшим связь с богами. Каким или какому божеству поклонялись в великдень — неизвестно. Хоть это и был праздник солнца, но солнце представало под разными именами, отражавшими его разные функции или возможности в разные поры года: зимой — Коляда; в начале лета — Ярила; в летний солнцеворот — Купала. Культ солнца — самый древний, он — принадлежность всех религий, даже самых примитивных. Символическим изображением солнца были круг, крест, круг с точкой, круг с крестом, круг с шестью спицами (так называемое «колесо Юпитера»), колесо. Не случайно в белорусских деревнях, приглашая на жительство в усадьбу аиста — святую птицу, на дерево, предназначенное для гнезда, устанавливали колесо. Оно и как знак солнца, и как громовой знак сулило дому удачу и защиту от Перуна.

Многое затерялось под христианскими напластованиями, имена Сварога, Дажьбога, Хорса выветрились из народной памяти и мышления, а Коляда, Купала и некоторые другие остались. Это можно объяснить тем, что сохранялись в памяти, в предании, в упрощенном обряде те боги и духи, которые были прочнее связаны с практическими заботами населения, живущего от земли. Боги же высшей ступени, необходимые прежде для объяснения мироздания, вытеснялись под воздействием воинствующего христианства и забылись.

Для сохранения и бытования высших божеств требовалось специальное сословие, религиозная элита, призываемая проникать в тайну устройства мира, в его происхождение и взаимосвязи его сил, в его генезис. С уничтожением этого сословия ушло и сохраняемое им знание. Осталось лишь то, что было достоянием каждого, что было связано с непосредственной стороной жизни. В Белоруссии, как и у других восточнославянских народов, за исполнением большинства обрядов следил старший в семье, он был, так сказать, жрецом, и специальный храм или капище для обращения к богам или жертвоприношения не требовались. Таким храмом был свой дом, свое поле, родник, который давал питьевую воду, ближайший лес, излуцина реки. Смесь языческой старины и христианских новинок вполне удовлетворяла скромным сакральным потребностям сельской семьи.

Христианство давало сквозную и ясную картину сотворения мира, которую легко было понять и принять посредством, нетребовательному, простодушному язычнику. Но кое-что, противоречащее его здравому смыслу, его опыту общественных отношений, народ в большинстве своем не принял. Так, не утвердилась в народном сознании идея о том, что жизнь каждого отдельного человека даруется богом, что бог следит за каждым своим созданием, что дарование жизни, бытия на этом свете требует горячей благодарности. Жизнь человека понималась самостоятельной и отделенной от замысла божества. Богов надо было задабривать, чтобы не вредили, и благодарить, если не навредили или помогли, но — только в строго определенные дни. В иные дни эти боги как бы не существовали, утренние и вечерние молитвы в их адрес были попросту бессмысленны. Отношение к жизни "Как будет — так будет" из народного характера не

вытравилось. Однако новая картина миротворения победила необходимость в языческих богах-прародителях.

Неизвестная язычеству идея загробного воздаяния, грядущего воскрешения затмила языческих богов загробного мира и богов смерти. Языческий образ тризны, поминок остался, но осуществители смерти, преемники душ, хозяева потустороннего мира вытеснились из предания или изменились в символике. Немалую роль здесь сыграл христианский обряд захоронения — в гробу, в землю.

До крещения у славян существовала в основном кремация; предание мертвых земле было скифского происхождения и чем дальше к Северу, тем реже встречалось. Утверждаемый силой новый обряд похорон вынужденно сохранил из старого голошение и поминки, то есть то, с чем разлучить народ оказалось невозможно. Зато языческие боги забылись. Так, у той группы населения Белоруссии, которая практиковала кремацию, был забыт Зняч — бог погребального огня. Некоторыми исследователями высказывалось мнение, что бога по имени Знич . не было, что это поэтическая выдумка. Существование Знича подтверждается в белорусском языке лексически: есть глагол — знікаць (исчезать, пропадать); зничамі называются поминальные свечи на могилах, то есть — могильный огонь; падающая звезда называется значка. У нашего народа сохраняется поверье, что звезды на небе — это знаки живых душ: рождается человек, и бог (Род? Сварог?) зажигает звезду; человек умирает, и бог его звезду гасит, она сгорает. Зничка несется во тьму — чья-то душа отошла, жизнь истекла. Знич погасил огонь жизни.

Стародавний обычай зажигать на могилах огни не оставляет места сомнениям в существовании языческого божества, главенствующего именно над огнем погребальным. Возможно, он отделился от главного бога огня, которому прежде приносились жертвы. Приношение жертвы через костер, через сожжение имело древнюю родословную и прочно вошло _ в систему мышления. Связь огня и жертвы с небесами, радостное приятие небесами, высшими богами жертвенного костра присутствовали в сознании еще в XVIII

веке. Например, сожжение ведьм в средние века находилось в явной связи с древними воззрениями на богоугодность такой жертвы, когда ради милости бога предается огню его враг. Сожжение не было просто казнью, здесь присутствовал религиозный момент: человеческой жертвой стремились расположить к себе верховное божество, доказать ему свое рвение, заручиться милостью и покровительством. Жертва через костер практиковалась во всей Европе. Разбойникам рубили головы, их топили, вешали, клали на колесо; сожжению предавались только еретики, инаковерующие, богоотступники. В огне погиб протопоп Аввакум. Похоронный костер, разумеется, носил иной характер, чем жертвенный, и тут исполнял свое дело бог специализированного действия — в нашем регионе им был Знич.

Похороны у белорусов назывались халтуры а имели сложную обрядность, отражавшую взгляды на жизнь души. Наши предки были убеждены, что по смерти тела душа остается жить, она улетает в рай — у вырай, в «тридевятое царство, тридесятое государство». Но прежде душа пристально следит, как с ней прощаются — горюют ли; отсюда развились ритуальные голошения и плачи, не столько выражавшие искренность чувств, сколько якобы убеждавшие, что горе безмерно, что сказано добрых слов достаточно, чтобы душа смогла предстать перед богами в ореоле добродетелей. В случае равнодушного, тихого, бесчувственного провожания душа озлится и будет мстить. Обязательной частью похоронного обряда были поминки, на которых душа также присутствовала и следила, что и как о ней говорится.

Вообще культ предков у белорусов был весьма развит, празднования в их честь совершались несколько раз в год. Наиболее значительными из них были осенние дзяды.

Это были дни, когда совершались обряды и назывались души предков, независимо от возраста, в котором человек покидал этот свет; столетний дед и подросток — равно были для живых дзядами. Дзяды — отличительно белорусское празднование. Двадцать шестого октября по старому стилю дзяды приходили в дом к своим родственникам, где их уже ожидали, — двери или окна были открыты, праздничный стол, что называется, ломился от лучшей в доме еды, на столе стояла для них чарка и закуска. О появлении их подсказывали разные приметы — занавес шевельнулся, влетела осенняя мушка, услышался в тишине скрип, — значит, дзяды пришли, ждут воспоминаний о себе, рассказов, угощения. Вечером же шли на кладбище и зажигали на могилах костры. Где пребывали души в обычное время, какое божество их опекало — непояснено.

Бели Знич принимал души и был их попечителем, то он как бог погребального огня посылал их на небо, откуда происходил сам.

Но нить человеческой жизни обрывал не Знич, этим занималось божество смерти — Яга, или в более привычном нам сказочном названии — Баба-Яга. Показательно, что однокоренное Яге слово «ягло» означает мертвечину. Баба-Яга выступала в облике отвратительно страшной старухи, которая носится в деревянной ступе и помелом замечает свои следы. У Бабы-Яги безобразно

торчат наружу кости, нос — крючком, волосы висят лохмами; кто увидит ее — онемееет, до кого она дотронется — умрет. Поезд чертей, который возит Бабу-Ягу над землей, — это, скорее, из поэтики позднего времени, хотя вполне возможно, что по древним представлениям Яге подчинялись и все духи зла. Сказочные сюжеты, где в контакты с Бабой-Ягой входит богатырь (прибывает прямо в ее обителище) и обманывает ее или даже пользуется ее поддержкой, выражают извечное желание человека преодолеть страх смерти, победить неумолимую уничтожительницу живого. У восточных славян существовали капища Яги; обрядность, посвященная ей, включала сожжение чучела смерти, приношение жертв, назначенных ублажить Костлявую, насытить ее жертвенным мясом, отослать в другую местность.

Смысл и роль некоторых языческих божеств во многом остаются неясными. Например, полтора столетия оставался дразнящей загадкой бог, названный в Лаврентьевской летописи Симарьгл. В ряде поучений против язычества его имя даже писалось раздельно: «Сим и Рьгл» или «Сим и Ерьгл». Сколько усилий было потрачено, чтобы проникнуть в тайну этих покрытых мраком полнейшей неизвестности имен, сколько изоощренных гипотез об их назначениях было придумано! И все — ошибочные. Только в тридцатые годы нашего столетия появилась работа, снявшая с Симарьгла покров жгучей тайны. Оказалось, что Симарьгл — это славянская калька с иранского названия Сэнмурв (Симургл). Представлялся тот бог в виде крылатого пса или барса, и функция его состояла в сторожении священного прадрева, от которого пошли все растения, в охране Добра и Жизни, позже он стал и охранителем кладов.

Загадочной представлялась и названная в летописях вслед за Симарьгл. богиня Мокошь. Почему Владимир ввел ее в Пантеон, какие племена поклонялись Мокоши, что она олицетворяла — не вполне ясно. На русском Севере просматривается связь Мокоши с прядением, с льноводством. Мокошь по здешнему поверью — невидимка, голос ее можно услышать в жужжании веретена. Считается, что Мокошь с распространением христианства уступила свое место и функции Параскеве — Пятнице, которой посвящался первый сноп льна, вытканые полотенца.

У чехов Мокошь считалась божеством дождя, воды, грозы. В таком широком значении Мокошь ближе к древнему своему пониманию как божества, символизирующего плодоносящее женское начало. Тесная связь Мокоши с водой видна и в языке по целому кусту однокорневых слов.

Скудность сведений о некоторых божествах нашей языческой старины, переход их в поэтические образы народной песенной поэзии не дают серьезным исследователям оснований говорить об их «реальном» существовании с твердой уверенностью. Например, Ладу (известную больше по песенному припеву «Ой, Лада! Лада») некоторые исследователи считали придумкой тех, кто видел за этим именем богиню любви и согласия и допускал, что она же породила божественную пару — Лель и Поле ль, покровительствовавших влюбленным. Но есть мнение, что Лада и Лад — имена небесной четы — Солнца и Луны.

Если учесть, что прежде луна называлась месяцем, ибо с ней связывалось божество мужского рода, то мысль о супругах-небожителях вполне правдоподобна. У белорусов общеславянскому божеству Ладе соответствовал или дополнял его с ограниченной функцией предсвадебного божка любви и веселья Люб мел или Любич, Любчик.

Такое же недоверие, и более того, отрицание вызывал бог Переплут. Он со своим во все времена «современным» именем казался прямо-таки мистификацией: тут, пожалуйста, и плут, и еще приставка пере-, которая указывает на избыток склонностей и желаний к делу, на множественность этих дел, на общее становление плутами. Оказалось, однако, что был такой бог, именно Переплут — бог пиршества, хмельного веселья, игр, песен, проказ и проделок.

В сферу поэтической образности перешли не очень давно и так называемые демоны — антропоморфные духи леса, воды, болота, поля, дома, болезней, беды, несчастий и т. п. В отличие от божеств духи живо сохранялись в устном (семейном) предании. Два начала мира, дуализм его, осознаваемый в парах,— Свет и Тьма, Юг и Север, Жизнь и Смерть, Добро и Зло — отразились и в разделении духов на добрых и злых, на расположенных к человеку и неприязненных к нему.

Добрым духам — русалкам, связанным со стихией воды и с растительностью, посвящались веселые празднества, вообще весь июнь проходил, можно сказать, под их знаком. Добрыми духами были рожаницы, олицетворявшие женское плодоносящее начало и опекавшие роды. К добрым относился и Жытень (иначе — Богач, Спарыш, Рай) — дух урожайности, воздававший за заботу о поле. Не злыми представлялись духи дома, леса, лугов. Домовик генетически происходил от старого родового бога Рода, Щура (Пращура). Он воображался в виде маленького деда, который охранял дом и имущество, следил за благополучием семьи, все о всех знал; он обязательный участник всех домашних событий и праздников, на которые, по обряду, приглашался. Хозяин леса — лесовик — представлялся существом огромного роста и силы. Бурелом в лесу — его работа. Он шутник и проказник — пугает людей хохотом, заставляет блуждать. Лесовика задаривали подношениями еды, которую оставляли на лесном распутье.

На переходе к злым духам стоял водяник — хозяин в подводном мире. Это был старец с зеленой, как тина, бородой. Разливы рек, разрушение запруд и мельничных плотин, гибель людей в воде, туманы над реками, водные круговороты — это все его проявления.

Злые духи — нежить — имели свою иерархию; среди них были создания особой силы и универсальных способностей козлу — упыри, олицетворявшие самое древнее понимание злого начала, черт, ведьмы, злыдни, но существовали и злые духи ограниченного действия: Трасца (Хунда) наводила лихорадку, Ночницы мучали детей болезнями, Мара изводила человека страшными снами. По нашим старым поверьям, разгул ведьм, оборотней, колдунов припадал на

Купальскую ночь, тогда же предавалась проказливому своему веселью и вся нежить — водяные, лешие, домовые, полевики. В Западной Европе верили, что ведьмы проводят свои шабаши на Вальпургиеву ночь (ночь

на 1 мая). Это время считалось наилучшим для изгнания колдуний и вообще всех чародейских сил. Другой период ведовского разгула приходился на колядные недели — с 25 декабря по 7 января. Это время полагалось и самым удобным для гаданий о судьбе.

Христианство выросло на языческих религиях, вобрало в себя разработанные ими идеи, трансформировало их обрядности. Магия, особенно астрологический ее раздел, была глубоко освоена халдеями. Наблюдения за ночным небосводом, культ светил, взаимосвязь человеческих судеб и поступков с системами звездного мира от халдеев перешли к сирийцам, а затем к грекам, римлянам и арабам и в упрощенном виде — к славянам. Магия изначально делилась на две, соответственно двум началам — светлому и темному. В древнеперсидском мирозерцании эти два начала были персонифицированы: были дух света — Ормузда и дух тьмы — Аримана. Отсюда и пошла белая (обращена к добрым духам) и черная (обращена к злым силам) магии. Христианство выработало не просто отрицательное, а злое отношение к черным магам, чернокнижникам, а отсюда — к книжникам. Это отношение старательно прививалось народу, и когда церкви требовалось, она натравливала толпу на негодных ей людей, большею частью это были ученые, то есть книжники. В чернокнижии, например, обвинялись Иван Федоров и Петр Мстиславец, основавшие типографию в Москве; типография была разгромлена и сожжена невежественной толпой, разумевающей печатную книгу «сатанинской» выдумкой. Существовала в восточнославянском язычестве и мистика чисел, правда, довольно ограниченная. Сакральное значение имело число 4, обозначающее четыре стороны света, его смысловые омонимные пары: Восток — Запад, Север — Юг, или иначе: Восход — Закат, Царство холода и смерти — Рай (Вырай). Число 4 обозначало и стороны поля, и четыре движения, необходимые для его обработки: прямое и обратное движение плугом, поперечные ходы бороной. Число 7 определяло четверть лунного месяца, каждую фазу луны, а также количество звезд в самом большом созвездии — Возке (Большой Медведице). Сакральным смыслом было наделено и число 9 — число месяцев чревной жизни человека. Глубокие разработки в математической мистике сделали пифагорейцы, но это опять-таки эпоха язычества: от Пифагора до Христа пятьсот лет.

Язычеством было освоено слово, созданы стойкие формулы речевого ритуала. Сакральное слово не было уделом избранных, оно принадлежало народу. Каждый глава семьи владел этими формулами; практически он был самостоятелен в церемониальном действии и вносил личностный момент в трактовку религиозного поверья. Другими словами, у наших предков слагались субъективные отношения с божествами, что создало определенное мистическое содержание в духовной жизни и народном характере вообще. Духовного рационализма наши пращуры не знали.

На слове (языке, речи) стоит остановиться. Слово принадлежало к тому малому кругу явлений, которые изначально, с первых лет существования человека, были признаны особенными, непонятными, недоступными разумению, обладающими «неземной» силой, вызывающими удивление — дивными. Не зря ведь Див, Дий был главным божеством в славянском языческом сообществе богов. Слово в представлении наших предков обладало огромной силой, ничуть не меньшей, если не большей, чем другие «дивные» явления: вода (кровь), огонь, земля, дерево, камень, тотемные звери — змея, тур. Слово действовало и на расстоянии, и жило во времени. Заговор как выражение силы духа снимал или наводил болезнь; слово волхва, колдуна, кудесника открывало будущее, могло принести беду, избавить от нее. Слово было обязательным условием связи с божеством, той таинственной силой, без участия которой не действует ни один обряд. Именно поэтому так крепко обязывала клятва, а клятвопреступление

расценивалось как один из тяжелейших проступков. Человек, обещая что-то сделать или чего-то не делать, прибавлял «Клянусь!» и старался исполнить обещанное, каких бы издержек это ему не стоило.

Понятие чести, которое в нынешнем обществе прилагают к верности слову, есть проекция богобоязни наших пращуров, произносивших клятвенные формулы.

Клятва обычно сопровождалась дополнительными действиями, гарантирующими ее исполнение, чаще скреплялась кровью.

Например, в 1351 году князь Кейстут, соправитель великого княжества Литовского, в войне с венграми попал в окружение и был вынужден вступить с противником в переговоры. Король Людвиг Венгерский предложил ему короноваться королевской короной и помощь против крестоносцев, взамен же от Кейстута потребовали замирииться с Венгрией и Польшей, не воевать захваченные ими земли. Кейстут, подчиняясь тяжелым обстоятельствам, согласился. Он был язычником, и для утверждения данного слова от него потребовали исполнить соответствующий обряд. Вот как об этом свидетельствуют очевидцы: на виду всего венгерского войска перед шатром Людвиг вкопали два столба, к которым, привязали красного вола. Кейстут подошел к нему и ударил ножом в шею. Хлынула кровь; князь и его приближенные мазали этой кровью руки и лицо. Затем вола отрубили голову; Кейстут и люди его отряда трижды прошли по луже крови между головой и туловищем, что означало: пусть вы будете так в нашей крови ходить, если мы нарушим данную клятву. Успокоенные венгры ослабили бдительность, и, пользуясь этим, полки Кейстута в ту же ночь смялись и ушли, забыв о присяге.

Можно думать, что необходимость отступления от клятвы потребовала выработки каких-то прощающих смыслов. Так, слово, данное чужаку, ходившему под другим богом, не имело той силы, как слово одноверцу. Не затрагивая нравственную сторону вопроса, отметим только его разработанность, его согласованность с непростыми условиями бытия. Слово и

божество, которому слово посвящалось, связаны не примитивно; связь гибкая, формулы емкие, ими можно оперировать, они с внутренним секретом, который позволяет избежать вышнего возмездия.

Обожествляемым началом жизни с древнейших времен считалась вода. Магия и символика, связанные с водой, имеют незапамятное происхождение. В прямой зависимости с мифологическими представлениями о воде Фалес — один из основоположников греческой философии — считал воду первоэлементом, из которого произошло все сущее. Вода существовала изначально. Из воды возник ил, из ила родился двуполый змей Хронос, а затем — эфир, хаос, мрак. Хронос отложил в них яйцо, которое, расколовшись, образовало небо и землю.

Влага (вода) жизненной силы человека — головной и костный мозг. Влага деревьев (березовый сок, например) считалась их жизненной силой; особенной же силой обладало вино («вынутая», «вытянутая» душа хлеба, меда и т. д.). Поэтому употребление вина имело магический характер, во всяком случае в первые времена по его открытии. Такое отношение к вину сохранилось и в христианской церкви (церковное вино, переходящее в кровь господню при евхаристии).

У восточных славян, в частности на белорусских землях, родники и колодцы назывались «прощи», поскольку у них просили прощения за возможные грехи, надеялись на помощь живших в них духов. Магия воды включала обрядовые купания, омовения в росе, бросание в реку чучел, пускание венков в купальскую ночь, обмывание новорожденных, гадания по чаре с водой (чаро-действие); добрым духам воды — русалкам — посвящалось многодневное празднество, называемое русальем. В жертву воде приносились птицы. «Убогая курята, яже на жертву идолам режутся, иныи в водах

потопляеми суть», — рассказывает древнее свидетельство. У воды по обычаю «умыкали» невесту; вообще многое из свадебного ритуала связано с водой: «...водят невесту на воду, даюче замуж, и чашу пиять бесом, и кольца мечють в воду и поясы».

С почитанием воды сопрягалось почитание ужа — безвредной змеи, оберегающей воду. Существовали осенние и весенние ужиные праздники, приуроченные к уходу ужей в спячку и к пробуждению их с началом таяния снегов. Ужей держали в доме, кормили молоком; уж считался для семьи чем-то вроде домового, обида его влекла за собой немилость. В связи с ужиным культом находилось почитание папоротника, который для змей был как бы любимым местом приюта. Ядовитые змеи считались охранительницами кладов.

Образ воды сливался с образом крови, а кровь по древнейшим понятиям воспринималась как духовная сущность живого, кровь — символ духа. Поэтому кровь жертвенных животных — козла, петуха, быка — посвящали божествам, этой кровью причащались к божеству. Такое же значение в христианской символике придается и «крови Иисуса».

Каменные и деревянные орудия почитались как предметы обороны и смертоубийства. Жезл военачальника, трансформированный из дубины, посох жреца, чародея, старейшины, затем — патриарха, трансформированный из короткого копья, стали символом соответствующей власти. Магический смысл смертного орудия имела клюка Бабы-Яги.

Еще в XVII столетии свои успехи в выжигании языческих пережитков церковь считала неудовлетворительными. О распространенности этих пережитков дают представление царские указы Алексея Михайловича: «...а иные люди тех чародеев и волхвов и богомерзких баб в дом к себе призывают и к малым детям, и те волхвы над больными и над младенцы чинят всякое бесовское волхование и от правоверия православных крестьян отлучают; да в городах же и уездах от прелестников и от малоумных людей делается бесовское сонмище, сходятся многие люди мужского и женского полу по зорям и в ночи чародействуют, с солнечного схода первого дни луны смотрят и о громное громление на реках и в озерах купаются, чают себе от того здравия, и с серебра умываются, и медведи водят и с собачками пляшут, и зернью и карты и шахматы и лодыгами играют и чинят безчинное скакание и плясание, и поют бесовские песни, и на святой недели жонки и девки на досках скачут, а о Рождестве Христове и до Богоявленьева дня сходятся мужского и женского полу многие люди в бесовское сонмище, по дьявольской прелести, во многое бесовское действо, играют во всякие бесовские игры; а в навечерие Рождества Христова, и Васильева дня, и Богоявления Господня клички бесовские кличут, Коледу и Таусень и Плуту; и многие человецы, неразумьем, веруют в сон, и во встречу, и в полаз, и в птичий грай, и загадки загадывают, и сказки сказывают небылые, и празднословием и смехотворением и кощунанием души свои губят такими помраченными и беззаконными делами, и накладывают на себя личины и платье скоморожское, меж себя нярядя бесовскую кобылку водят; и в таких позорищах своих многие люди в блуд впадывают и внезапную смертью погибают, и с качели многие убиваются до смерти... и уклоняются православные христиане к бесовским прелестям и ко пьянству, а отцов духовных, и по приходам попов, и учителей людей наказанья не слушают...»

Так было на Руси; но еще тверже и шире «бесовские сонмища» и «бесовские песни» и магические обряды держались в Белоруссии уже в силу того, как это ни парадоксально звучит, что здесь были две церкви — православная и католическая, а затем к ним прибавились протестантская и униатская. Наряду со всеми этими разветвлениями

христианской религии не засыхала в народе и ветвь религии языческой, чему способствовало и то, что по праву Великого княжества Литовского каждый пан или шляхтич сам был определителем веры на своих землях. Хотелось ему быть православным, он был им, но мог перейти в униатство, или в католичество, или в протестантство; по его воле приходил в деревенскую церковь соответствующий священник.

Религиозная борьба, начатая в XVI веке, носила в Белоруссии более

социальный и национальный, чем религиозный характер. Языческое состояние народа, безусловно, раздражало клир; даже большие деятели культуры, воспитанные на христианстве,— Будный и Филипович, ополчились против языческой обрядности. Но кардинально изменить дело никому не было под силу. Язычество оставалось бытовой религией крестьянства. Городское общежитие более способствовало пониманию христианских положений, прониканию его смыслами и символикой. Крестьянское натуральное хозяйство, полная зависимость крестьянина от природы, могучая сила тысячелетней традиции не располагали к вхождению в христианство. Главное затруднение состояло в чуждости символики. Иерусалим, Голгофа, Рим, Пилат, пустыни и Красное море, пальмовые ветви и ослы, река Иордан, фарисеи и золотой телец — все это не поддавалось разумному пониманию; едва ли серьезно воспринимался символ непорочного зачатия, противоречащий эмпирическому опыту поколений и утвердившемуся взгляду на необходимость оплодотворяющего мужского начала. Был создан специальный символ — ромб с точкой посередине, который наносился на керамические фигурки рожаниц; ромб, разделенный крестом на четыре клетки с четырьмя точками, входит необходимым элементом в белорусский национальный орнамент, этот знак обязательно вышивался на свадебных рубахах; он же имел магическую функцию у белорусов при постройке нового дома (основание под фундамент расчерчивалось крестообразно на четыре части и в каждую ставился камень — все с разных полей). По отношению к полю эта магическая идеограмма означала — «земля, оплодотворенная семенем жита». Абстракция же непорочного зачатия была чужда языческой мифологии.

Казнь на кресте, практиковавшаяся в Риме, не практиковалась у славян и вряд ли могла восприниматься большими страданиями, чем колесо, кол, костер. Христианский миф относил расплату за грехи, воздаяние злом за зло к загробной жизни; долготерпение, смирение перед обидой никогда не входили в круг идеалов язычества. Но беззащитность перед «сильными мира сего» заставляла принимать из христианства не возвышенный, а страдательный его момент: «Христос терпел и нам велел». Христианство невольно сохраняло многое из языческой символики. Волшебная сила оберегов (амулетов), носимых на груди, перешла на нагрудный крест, причем чем выше был ранг священника, тем большим и дорогим крестом он украшался. Почитание огня сохранилось в огоньке лампы, зажигаемой пред ликом святых. Сегодня кольца, кулоны, браслеты, бусы — не что иное, как языческие пережитки; пращурь пользовались ими для охранения себя от вражеских сил. Наше время оставило за ними эстетическую функцию.